

Научная статья

УДК 81.42:81.27

DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-153-162

ЯЗЫКОВАЯ ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ КАК ФАКТОР МАССОВОГО РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Александр Михайлович Погорелко^{1✉}, Татьяна Николаевна Герасина²

^{1,2} Уфимский университет науки и технологий; г. Уфа, Росси

^{1✉} pogorelkoam@rambler.ru

² magnolia-avenue@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению приёмов психологического воздействия на широкий круг адресантов экономического дискурса. Исследование проведено на основе анализа языковых маркеров оценочного отношения к состоянию экономики России со стороны официальных лиц государства и крупного бизнеса. В эмпирической части цель работы состоит в том, чтобы определить, в каком отношении речевые приёмы в официальном экономическом дискурсе могут претендовать на роль психологических средств воздействия на целевую аудиторию через формирование и корректирование оценки экономических явлений. Материал исследования представлен высказываниями ключевых представителей экономического управленческого дискурса, описывающих состояние российской экономики в 2024–2025 гг. В центре нашего внимания находятся лексические средства выражения оценки, применяемые этими авторами в качестве инструментов формирования образа актуальной экономической реальности, соответствующего целям конструктивно-мотивирующего воздействия на массовую и профессиональную аудиторию.

Ключевые слова: экономический дискурс, манипулятивность, эвфемизация

Для цитирования: Погорелко А. М., Герасина Т. Н. Языковая оценка экономической ситуации как фактор массового речевого воздействия // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 9 (503). С. 153–162. DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-153-162.

Original article

LANGUAGE EVALUATION OF ECONOMIC CONDITIONS AS VERBAL MASS IMPACT FACTOR

Alexandr M. Pogorelko^{1✉}, Tatyana N. Gerasina²

^{1,2} Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia

^{1✉} pogorelkoam@rambler.ru

² magnolia-avenue@rambler.ru

Abstract. The article deals with the study of methods of psychological impact exerted on large social segments of recipients of official economic discourse. The research has been based on the analysis of language evaluation markers describing Russian current economic situation produced in the speech of state and business officials. The practical objective of the research involves the analysis of potential efficiency of these evaluative markers as means of psychological impact directed to the recipients through the modelling and correcting of evaluative understanding of dramatic economic processes. The empirical material includes statements of key representatives of Russian official economic discourse depicting current trends in Russian economy in the period of 2024-2025. The analysis focuses on lexical means of expressing evaluation employed by the authors as psychological tools of forming the image of economic reality conforming to the purpose of imposing positive motivating impact on the mass and professional audience.

Keywords: economic discourse, language manipulation, euphemisms

For citation: Pogorelko AM, Gerasina TN. Language Evaluation of Economic Conditions as Verbal Mass Impact Factor. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2025;(9(503):153-162. (In Russ.). DOI: 10.47475/1994-2796-2025-503-9-153-162.

Введение

Любая разновидность дискурса, ориентированного на массового адресата, помимо информационной составляющей содержит смысловые элементы речевого воздействия. В дискурсе средств массовой информации эти элементы часто приобретают первостепенное значение даже в тех случаях, когда формальная структура сообщения не содержит явных признаков директивного влияния на восприятие адресата. Традиционно такой тип воздействия рассматривается как та или иная разновидность манипуляции сознанием. Безусловно, манипулятивность выступает обычным спутником массовой коммуникации, однако взаимодействие между манипулятивностью и прочими субъективными его составляющими демонстрирует довольно сложную картину, получающую разное наполнение в зависимости от многих факторов, в частности, от тематического содержания такого дискурса. В данной статье мы ставим перед собой задачу рассмотреть специфическую субъективность экономического дискурса на частном примере языковых маркеров оценочного отношения к состоянию экономики России со стороны официальных лиц государства и крупного бизнеса.

Материалы и методы исследования

Рассмотрение субъективной оценочности как составляющей речевого воздействия предполагает обращение к таким феноменам, как субъективизация дискурса, манипулятивность, эвфемизация. Для поставленных в статье целей взаимодействие этих аспектов видится нам следующим образом. Лингвистика в своей современной антропоцентрической парадигме утверждает, что в любой сколько-нибудь развернутой коммуникации создаваемый текст будет нести в себе следы субъективности своего автора. Действительно, само понятие речевого намерения указывает на то, что в коммуникации всегда должны присутствовать какие-то элементы или свойства, которые обусловлены не информативным содержанием самим по себе, а целями того, кто сообщением этой информации хочет чего-то достичь. Субъективизация речи, текста, дискурса фактически выступает в роли свойства, отражающего антропоцентрическую природу коммуникации, в которой весь реальный мир преобразуется в языковые значения и речевые смыслы через субъективность человеческого восприятия и мышления. В этой логике вполне обоснована категорическая формула Р. Блакара «Произнеся одно-единственное слово, человек, как кажется, вынужден занять "позицию" и "осуществлять воздействие"» [3. С. 46].

Некоторые исследователи трактуют субъективизацию как коммуникативную стратегию: «Текст... форматируется посредством стратегии субъективизации, под которой понимается процесс интерпретации действительности в зависимости от индивидуальных особенностей создающего его субъекта». Субъективизация с позиции адресата, кроме того, предполагает процесс отфильтровывания, сдерживания и отображения того, что в индивидууме имеется противоречащего его «самости» или, наоборот, ей соответствующего [12. С. 12]. Субъективность как реализация коммуникативных интенций и просто как отпечаток личности говорящего вполне может представлять собой неосознаваемое им явление, будучи простым следствием привычного для человека стиля или простых и повторяющихся сценариев общения. Однако в массовой коммуникации субъективизация проявляет себя существенно сильнее: помимо признаков авторской индивидуальности она почти неизбежно будет дополняться целями осознанного и внеличного воздействия на предполагаемого адресата. Текст политического или экономического характера, ориентированный на массовую аудиторию, включает в себя субъективность уже не только и не столько личности, сколько обобщённую субъективную позицию какой-то социальной группы, интересы и цели которой разделяет автор текста.

Естественным спутником массовой коммуникации выступает манипуляция. Проблема манипуляции изучалась психологами (Е. Г. Доценко, В. П. Шейнов и др), политологами, философами, социологами (С. Г. Кара-Мурза, М. И. Бабюк, К. Н. Kalandarov, Н. Г. Лимнатис, А. Цуладзе), лингвистами (И. М. Копнина, А. А. Данилова, и др.). Как результат этих исследований на сегодняшний день сформировалось следующее понимание манипуляции. Она включает: а) скрытность конечной интенции манипулятора (иллюкативной силы); б) выгоду манипулятора, которая заключается в получении определённого перлокутивного эффекта [4. С. 86]. Скрытность воздействия неизменно указывается в определениях манипуляции в различных по времени, предмету и методам исследования работах: «Манипуляция — это вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [5. С. 59]; «манипуляция — это скрытое воздействие, факт которого не должен быть замечен объектом манипуляции» [7. С. 16]; «манипуляция

предполагает преднамеренное внешнее воздействие на человека или группу людей, слабое осознание ими возможной вредоносности воздействия, как правило, неблагоприятные последствия для объекта манипуляции и всегда благоприятные для манипулятора» [11. С. 207] и т. д. Неспособность манипулируемых распознать в коммуникации признаки некорректного воздействия является условием успешности манипуляции. Манипулятор, кроме того, должен заботиться и о том, чтобы сделать максимально естественным процесс коммуникативного взаимодействия с адресатом. По словам Б. И. Караджева, адресант «стремится создать максимально благоприятные условия для принятия информации адресатом через кооперативное взаимодействие» [6. С. 43]. Только при всей совокупности указанных условий возможно эффективное скрытое воздействие, при котором, так же как и в неманипулятивной психологически успешной коммуникации, «адресант кодирует смыслы отнюдь не только в соответствии со своим мировосприятием, но и согласует последний с языковым сознанием адресата» [10. С. 257].

Применительно к контексту нашего исследования мы считаем необходимым подчеркнуть, что манипулятивность как инструмент воздействия, нарушающий психологическую и коммуникативную этику, тем не менее, в особых условиях может быть хотя бы отчасти извинителен. Под такими обстоятельствами мы имеем в виду цели манипулятора, искренне понимаемые им как благо для объекта манипуляции. К манипуляции может прибегнуть врач, ища способ заставить пациента не губить здоровье, или родители, отчаявшиеся найти средство оградить ребенка от небрежно воспринимаемых им опасностей. Разумеется, нечестность воздействия в этих случаях никуда не исчезает, но вряд ли такую манипулятивность следует судить так же строго, как манипуляцию эгоиста или мошенника. Манипуляция регулярно становится инструментом управленческого дискурса, где использование ее приёмов похожим образом претендует на менее строгую оценку по причине того, что цели манипуляции выходят за рамки личных интересов (что, правда, не означает их отсутствия), приобретая смысл каким-то образом понимаемой коллективной пользы и коллективной же ценности объединительной мотивации. Эмпирический материал нашего исследования имеет прямое отношение именно к такому типу манипулятивности.

Среди многочисленных средств речевой манипуляции нас будет интересовать манипулятив-

ность оценки. Оценка является одним из наиболее мощных средств психологического воздействия. Оценочность пронизывает языковую семантику и предопределяет эффективность целого ряда параметров коммуникации через подключение заинтересованности, эмоциональности, и степени искренности её участников. С лингвистической точки зрения оценка выступает важным диагностическим инструментом, позволяющим делать выводы о целевой установке говорящего, опираясь на то, какими оценочными свойствами он наделяет своё сообщение. Вопрос такой интерпретации представляет собой непростую задачу. Проблема, как отмечала Н. Д. Арутюнова, кроется в двойственной семантической природе языковой оценки: «В той мере, в какой оценка выражает отношение к говорящему, она подлежит пониманию; в той мере, в какой она квалифицирует сам объект, она нуждается в интерпретации. Понимание оценки не требует особых усилий, их же интерпретация может затруднить» [1. С. 185].

Как и любое сильное коммуникативное средство, оценка требует осторожного обращения. В реальном контексте коммуникации неизбежны негативные составляющие, также нуждающиеся в оценке. В целом ряде случаев интересы коммуникантов будут предполагать необходимость смягчения негативной оценочности с помощью коррекции или нейтрализации нежелательных интерпретаций сообщения со стороны адресата. Стандартным семантическим средством в таких случаях выступает эвфемизация. Движущие силы семантических сдвигов и смены понятийных областей эвфемизации порождаются факторами экстралингвистического порядка. По справедливому замечанию Л. П. Крысина, «обращаясь к теме «эвфемизмы», исследователь вынужден привлекать к анализу не только сами эвфемистические выражения, но и тот социально-культурный и языковой фон, на котором возникает нужда в эвфемизмах» [8. С. 28]. Действительно, функционирование эвфемизмов в разных типах дискурса попадает под воздействие правил и условий существования этого дискурса, которые определяют своеобразный рисунок взаимодействия целевых установок адресанта и смысловых параметров контекста. Базовым лингвистическим свойством эвфемизмов выступает их маскирующая семантическая способность. Эвфемизация преследует цель, далекую от эквивалентной точности синонимической замены, представляя собой «подбор говорящим таких обозначений, которые не просто смягчают те или иные кажущиеся грубыми слова

и выражения, а *маскируют, вуалируют* суть явления» [9. С. 395]. Маскирующая семантическая неопределённость, как отмечают исследователи, превращает эвфемизм в важнейший инструмент манипулирования [2. С. 15].

В официальном экономическом дискурсе, который выступает объектом нашего исследования перечисленные явления и свойства образуют специфичную картину их взаимодействия, определяемую как инструментальными, так и, что ещё важнее, целевыми особенностями этой дискурсивной области. Дело в том, что официальный дискурс, оценивающий ситуацию в экономике, преследует две трудносовместимые цели. С одной стороны, от него требуется достаточно точное описание текущих процессов и параметров экономики, поскольку на этот дискурс ориентируется не только массовая аудитория, но и профессиональное сообщество экономистов, представители бизнеса и финансовой сферы. Естественное стремление показать экономическое положение лучшим, чем оно есть, имеет совершенно определённые пределы, превышение которых чревато или недопустимой потерей доверия, в случае очевидных расхождений описания с реальностью, или риском неправильных действий экономических агентов, сумевших поверить чрезмерно приукрашенной картине.

С другой стороны, бескомпромиссное, без какого-либо смягчения обозначение экономических проблем также не является оптимальной стратегией, и далеко не только потому, что такой жесткий стиль очевидным образом влечёт репутационные издержки, карьерные и политические риски для его авторов. Существенно то, что оптимистически ориентированный дискурс важен с точки зрения управленческих целей экономической риторики. Высказывания ключевых фигур экономики и сами по себе представляют собой организационное действие. Воздействующий эффект таких высказываний основан на том же факторе чувствительности профессионального сообщества к дискурсу экономической власти. Этому сообществу необходимо строить планы и прогнозы действий, так или иначе ориентируясь не только на собственную коллективную оценку текущей ситуации, но и на сигналы «сверху» со стороны тех, кто этой ситуацией должен управлять в масштабах всей страны. Учитывая нашу непростую экономическую историю, бизнес-сообщество вынуждено вслушиваться в такие сигналы особенно тщательно, пытаясь отыскать в официальном дискурсе признаки того, что вла-

сти известно что-то, скрытое от всех, или еще более тревожные симптомы изменений правил экономической игры. Эта чувствительность почти автоматически превращает официальный экономический дискурс в тонкий инструмент управления совершенно реальными экономическими процессами через корректировку ожиданий, опасений, прогнозов и, в конечном итоге, активности экономических субъектов. Специфическим фактором, ещё более повышающим восприимчивость экономики к официально-оценочному дискурсу выступает резко возросшая с конца 20 века роль виртуальных слагаемых экономической деятельности — виртуальной капитализации акций, активов, сделок, фьючерсов и т. д. В настоящее время маятник биржевых котировок способен резко отклоняться в разные стороны не только под влиянием сообщений о реальных событиях, но и как реакция на сообщения о сообщениях — в тех случаях, когда СМИ транслируют оценочные суждения ключевых представителей власти и бизнеса.

В эмпирической части нашей работы мы видим свою задачу в том, чтобы определить, в каком отношении речевые приёмы в официальном экономическом дискурсе могут претендовать на роль психологических средств воздействия на целевую аудиторию через формирование и корректирование оценки экономических явлений. Материал исследования представлен высказываниями ключевых представителей экономического управленческого дискурса, описывающих состояние российской экономики в 2024–2025 гг. В центре нашего внимания будут находиться лексические средства выражения оценки, применяемые этими авторами в качестве инструментов формирования образа актуальной экономической реальности, соответствующего целям конструктивно-мотивирующего воздействия на аудиторию.

Результаты исследования и их обсуждение

Особенность, которую мы считаем логичным выделить в первую очередь, связана с естественной необходимостью для авторов дискурса реагировать на распространённые в экономической массмедийной среде актуальные негативные оценки. В экономической реальности едва ли возможна ситуация, идеальная по всем параметрам и устраивающая абсолютно всех экономических игроков. Тем более непросто давать оценку экономике, оказавшейся под сильнейшим прессом внешних обстоятельств, примером чего является экономика России ко времени написания данной статьи. Представители власти и бизнеса очевидным образом не могут просто игнорировать существование

жестких оценок, циркулирующих как в профессиональном сообществе, так и в СМИ. Такое игнорирование само по себе было бы крайне негативным сигналом, косвенно подтверждающим справедливость оценок, поскольку молчание о них экономических управленцев прочитывалось бы как отсутствие убедительных возражений. Выгоднее заявить о существовании этих оценок хотя бы в качестве приёма отрицания. Так, в роли подобных негативных характеристик экономического состояния РФ с 2024 г. всё чаще звучат обозначения «рецессия» и «стагфляция». Очевидной реакцией официального дискурса выступает **приём прямого опровержения**:

– *Хотя с 2023 года звучат опасения, что повышение ключевой ставки подорвёт экономический рост, приведёт к рецессии, к стагфляции, к массовым банкротствам (и далее по списку), до сих пор эти опасения не подтвердились.* (Э. Набиуллина, Глава ЦБ), <https://www.cbr.ru/press/event/?id=23525>.

– *Да, замедление экономики происходит. Но рецессии нет.* (Э. Набиуллина), <https://www.rbc.ru/economics/18/09/2025/68cbb4419a7947492cbff611>.

– *Чаще всего состояние рецессии сопровождается дезинфляционными трендами... У нас всего этого нет.* (К. Трemasов, советник главы ЦБ), <https://www.interfax.ru/business/1048559>.

Однако опровержение уже одной своей категорической формой может подействовать на внимательного профессионального адресата довольно противоречиво. С одной стороны, лаконичное отрицание имплицитно утверждает уверенность говорящего, с другой, тем же самым оно способно и вызвать подозрение. Исторические прецеденты приучили бизнес-сообщество к ощущению, что подчеркнуто-убежденное отрицание со стороны представителей власти вполне может означать ситуацию, полностью противоположную сказанному («Девальвации не будет. **Твёрдо и чётко**» (Б. Ельцин, 1998 г.)).

В этом отношении на больший убедительный эффект может претендовать озвучивание проблемных фактов, но в таком лексическом окружении, которое реализует **приём оценочного смягчения**. Интересным способом такого смягчения выступает сочетание проблемной лексики со вспомогательными словами терминологической семантики:

– *Второй квартал практически можно рассматривать как **техническую стагнацию***» (Э. Набиуллина), <https://www.rbc.ru/economics/04/09/2025/68b8ff0f9a7947a328175601>.

– *В апреле-июне 2025 года экономика вошла в стадию **технической стагнации***. (Г. Греф), <https://www.business-gazeta.ru/article/681992>.

Приведённые высказывания содержат остро критическую оценочную номинацию «стагнация», но оценка сглаживается нейтральным определением «техническая». Этим определением имплицитно то, что заявленная стагнация представляет собой как будто не чистый случай такого негативного явления, а его частичную, формальную или периферийную разновидность. Заметим, что этому эффекту способствует не только оценочная нейтральность, но и сама функция конкретизирующего определения, которая предполагает снижение статуса определяемого слова от родовой до видовой разновидности. «Не совсем настоящая» стагнация не должна восприниматься так же угрожающе. Логический смысл такого сглаживания хорошо иллюстрируется дополнительным пояснением того же официального лица:

– *И даже когда говорят о **технической рецессии**, имеют в виду, что экономика снижается два квартала подряд.* (<https://www.rbc.ru/economics/18/09/2025/68cbb4419a7947492cbff611>). Обращает на себя внимание наречие «даже», которым автор явно стремится показать, что речь о рецессии или стагнации даже «неполного» вида может идти лишь в крайнем случае.

Довольно частой характерной разновидностью семантического смягчения являются сглаживания негативных характеристик с помощью приёма, который можно назвать **оценочным округлением**. В этом случае говорящий в определении вполне измеряемых параметров намеренно избегает любой количественно выраженной конкретики, обходясь лишь лексикой со значением приближенного сравнения:

– *Во втором квартале динамика ВВП была **несколько ниже наших оценок**. И в целом мы пока идём ближе к нижней границе прогноза выпуска на этот год.* (<https://cbr.ru/press/event/?id=26932>).

– *Динамика экспорта и импорта близка к **траектории** прошлого года. Вместе с тем негативная внешняя конъюнктура может и дальше оказывать давление на цены экспортных товаров.* (<https://cbr.ru/press/event/?id=26932>).

– *В целом кредитование растёт темпами, **близкими к нижней границе** нашего базового прогноза.* (<https://www.cbr.ru/press/event/?id=23473>).

– *И наш прогноз, и прогноз Правительства предполагают, что и в этом году рост экономики продолжится, пусть и **более умеренным темпом**.* (<https://www.cbr.ru/press/event/?id=23525>).

В подобных характерных примерах оценочной приблизительности создается эффективная видимость измерительного описания при отсутствии реальной содержательной определенности, поскольку остаются неназванными ни количественные, ни качественные параметры «точек отсчета» приводимых сравнений: какие были оценки динамики ВВП, оптимистичные или пессимистичные, что представляла из себя *«траектория прошлого года»*, насколько далека от высшей точки прогноза её *«нижняя граница»* и т. д.

В осторожной официальной характеристике экономической ситуации можно также встретить **приём псевдоконстатации**, когда какое-то негативное явление, казалось бы, получает вербальное подтверждение, однако это подтверждение намеренно оставляется незавершенным, неполным, как, например, в высказывании министра экономического развития М. Решетникова: *«Я сказал, что мы стоим на грани рецессии. Дальше все зависит от наших решений»*. (<https://www.rbc.ru/economics/04/09/2025/68b933949a7947b75805acb2>). Смысловая формула фразы *«на грани рецессии»* одновременно подразумевает то, что ситуация почти подпадает под категорию серьезной экономической проблемы, и при этом утверждает, что перехода к названному угрожающему состоянию всё же ещё не происходит, тем самым отрицательный оценочный акцент несколько ослабляется. На заметную коррекцию оценки такая формула, конечно, не способна, но все же содержит своеобразный намёк на то, что ситуация остается управляемой, контролируемой, хоть и на пределе потери равновесия.

Аналогичный смысл остановки на самом краю проблемной ситуации можно наблюдать и в других подобных высказываниях:

– *Резервы рабочей силы и производственных мощностей практически исчерпаны*. (<https://www.cbr.ru/press/event/?id=18869>).

– *Июль и август показывают достаточно такие явные симптомы того, что мы приближаемся к нулевым отметкам*. (<https://www.rbc.ru/economics/04/09/2025/68b8ff0f9a7947a328175601>).

Резервы признаются *исчерпанными*, но всё же не полностью, инвестиции *приближаются к нулевым отметкам*, но все же пока их не достигают. Психологический смысл таких почти состоявшихся констатаций представляется вполне логичным: задача управленческого экономического дискурса не в том, чтобы повергнуть целевую аудиторию в уныние и лишить надежды психологически тяжелой оценкой ситуации. Даже если автор такого

дискурса видит положение худшим, чем его описывает, его интерес заключается в том, чтобы аудитория не потеряла мотивацию к противодействию негативному явлению, которое — в его описании — всё же ещё не наступило.

Фактически как оценочно окрашенные псевдоутверждения работают и различные виды эвфемистических замен: проблема может не называться прямо, но контекстуальные замены четко показывают, какое именно негативное явление получает косвенную констатацию:

– *Значимым риском остаётся рынок труда, напряжённость на котором может долго не снижаться или даже нарастать*. (<https://cbr.ru/press/event/?id=26932>).

В данном случае людям, хотя бы отдалённо знакомым с текущей экономической реальностью ясно, что речь идёт о дефиците рабочей силы, который прочитывается в эвфемистической замене слова *«дефицит»* на неопределённую *«напряжённость»*.

Дискурс экономического блока типично прибегает к эвфемизмам и в случае обозначения факторов, имеющих не экономическую, а политическую природу. При этом обращает на себя внимание то, что создаваемые в этих специальных целях эвфемизмы являются контекстуально зависимыми неологизмами, смысл которых определяется заданным в высказывании лексическим фоном:

– *И ещё один фактор: тектонические изменения в мировой торговле*. (<https://www.cbr.ru/press/event/?id=23525>). Под тектоникой в качестве метафорически неконкретной оценки подразумеваются здесь политически детерминированные санкции и вызванное ими масштабное переориентирование направлений торговли российскими экспортными товарами.

– *Корпоративное кредитование ускорилось, а неопределённость, в том числе связанная с решениями по бюджету, сохранилась*. (<https://cbr.ru/press/event/?id=26932>).

«Неопределённость» в данном случае осторожно обозначает то, что Центробанку неизвестно и неподвластно планирование размера закладываемых в бюджет закрытых статей.

Следует отметить, что официальный экономический дискурс демонстрирует постоянное балансирование между двумя описанными в начале анализа противоположными тенденциями — нацеленное на эффект объективности обозначение негативных характеристик и создающее эффект уверенности и контроля сглаживание негативных оценочных номинаций. В результате в одном

и том же выступлении подчас наблюдается любопытная картина переслаивания оценок — как внутри словосочетаний и, так и в структуре цепочек высказываний:

— Ранее мы называли четыре триггера для повышения ставки. Все они реализовались. Во-первых, **устойчивая инфляция увеличивается**. ...Во-вторых, **положительный разрыв** в экономике не сокращается, а жёсткость рынка труда растёт. **Темпы роста ВВП в I и II кварталах оставались высокими. При этом инфляция ускорялась**. (<https://www.cbr.ru/press/event/?id=18869>).

Создаваемые в таком чередовании оценок конструкции создают впечатление игры стилистическими приёмами оксюморона и антитезы — семантика стабильности в слове «устойчивый» атрибутивно определяет негативный термин «инфляция», отрицательная оценка «разрыва» соединена с оценочно-позитивной лексемой «положительный», темпы роста высоки (знак плюс), но следом сразу идёт указание на рост инфляции (минус). Такая профессионально-экономическая стилистика, в отличие от художественной, нацелена не на экспрессивно-эстетический эффект, а является проявлением тенденции к выдерживанию оценочного баланса между невыгодно отрицательным полюсом негативных фактов и неубедительно положительной противоположностью в виде приукрашивания действительности.

Однако наиболее сильным средством оценочной регуляции является метафорическая образность. Метафора оказывается равно эффективной как в осторожном обращении с негативной оценочностью, так и в нестрогом внушении оценок оптимистичных. И в том, и в другом случае в ответ на критику говорящий всегда располагает логичным оправданием: метафорический образ приблизителен и не может быть обвинён в нерелевантности по тем же критериям, которые применимы к строгим и однозначным понятиям. С помощью метафоры авторы дискурса могут относительно легко позволить себе эффект снижения серьёзности и официальности разговора, что само по себе снимает напряжение аудитории, а если в этом же направлении работает и удачно подобранная семантика метафоры, то положительный эффект будет только усилен. Показательным примером такой стилистической модуляции является ответ министра финансов А. Силуанова на вопрос главы комитета Госдумы по бюджету и налогам Андрея Макарова:

— У нас сейчас охлаждение или рецессия?

— У нас **похолодание**, но за похолоданием всегда **приходит лето**, — ответил А. Силуанов. (<https://www.rbc.ru/economics/19/06/2025/6853bc6d9a79473119231a44>).

www.rbc.ru/economics/19/06/2025/6853bc6d9a79473119231a44).

Ответ министра, конечно же, является мягкой формой манипуляции. Вопрос задан о терминах, ответ же демонстрирует уклонение одновременно и от терминологической строгости и от официального стиля. Да и с логической точки зрения параллель между сменой времён года и сменой позитивных и негативных трендов в экономике совсем не бесспорна: лето придёт совершенно независимо от любых действий и даже при полном бездействии, а оздоровление экономики — нет.

Но особенно показательным метафорическим способом манипулированием оценкой нам представляется очень характерный для описания современного состояния экономики России **приём терминологической метафоризации**. Речь идёт прежде всего о таких метафорах как «перегрев» и «охлаждение», применяемых сейчас как общепотребительные термины и в профессиональном экономическом сообществе, и в широком дискурсе СМИ. Следует оговориться, что эти метафоры не являются изобретением текущего момента — в термины они превратились давно, так что скорее именно текущий экономический момент является показательной иллюстрацией их необычной семантики. Оба этих понятия обозначают явления неблагоприятные, в зависимости от экономического контекста, в диапазоне от просто болезненных до критических масштабов процесса. Негативные признаки чётко обозначаются в профессиональных экономических определениях перегрева, например: «**Перегрев экономики — состояние экономики, когда темпы роста ВВП существенно отклоняются от потенциального ВВП, что сопровождается ростом инфляции**». (<https://alfaforex.ru/faq/glossary/peregrev-ekonomiki/>). Аналогично: «**Перегрев экономики — чрезмерно высокие темпы экономического роста, приводящие к риску возникновения и развития инфляционных процессов из-за необоснованных государственных расходов**». (<https://www.finam.ru/publications/item/peregrev-ekonomiki-20230629-0955/>).

Охлаждение же, с одной стороны, призвано устранить негативные эффекты перегрева, но, с другой, само выступает в виде горького лекарства, поскольку сопровождается замедлением экономической активности и падением темпов роста экономики: «**Сейчас проявляются первые признаки охлаждения в экономике. ... Замедлились темпы в ряде отраслей: в пищевой промышленности, химпроме, деревообработке, отдельных отраслях машиностроения**».

...*На автомобильном рынке из-за высоких ставок по кредитам падают продажи машин, сельхоз- и спецтехники*» (министр экономического развития М. Решетников), <https://www.rbc.ru/economics/17/02/2025/67b3048c9a794780e5cde5fa>.

Смысловая выгода данных метафор как инструментов манипуляции оценкой двойная. Первый эффект связан с функционированием этих терминов как эвфемизмов. Неопределенная образность повышения или понижения температуры прячет под собой суровую конкретику целого букета негативных экономических явлений, стоящих за сглаживающей метафорой. Этот маскирующий эффект важен, конечно же, не столько для профессионального экономического сообщества, которое хорошо знает истинную подоплёку эвфемизма, сколько для широкой аудитории, экономическое поведение которой тоже нужно корректировать инструментами официального убеждения. Особенно выражен этот смягчающий эффект в использовании термина «охлаждение», семантика которого даёт выгодные интуитивные интерпретации, так как сброс высокой температуры подсознательно воспринимается как спасительное средство: в практике обыденного опыта высокая температура техники ассоциируется с риском пожара. Приведём характерные высказывания с этим термином в риторике ключевых представителей экономического управленческого блока:

– *В этом году у нас плановое охлаждение, всё будет зависеть от наших же действий* (А. Силуанов), https://minfin.gov.ru/ru/press-center?id_4=39762.

– *Рецессии в России нет, но есть плановое охлаждение экономики.* (<https://www.vedomosti.ru/economics/news/2025/06/26/1120421>).

– *Охлаждение продолжается, мы это видим по темпу роста ВВП* (Г. Греф), <https://www.rbc.ru/economics/04/09/2025/68b8ff0f9a7947a328175601>.

– *Экономика России охлаждается быстрее, чем ожидалось* (М. Решетников), <https://www.rbc.ru/economics/04/09/2025/68b933949a7947b75805acb2>.

Обращает на себя внимание усиление метафоры положительно окрашенным определением «плановая», призванным подчеркнуть смысл управляемости, контролируемости процесса. Управляемость же важна потому, что охлаждение нужно проводить осторожно, в частности, умея вовремя её остановить:

– *Важно выйти из периода управляемого охлаждения экономики, чтобы это не превратилось в стагнацию... — «заводить» экономику будет значительно сложнее, чем её охладить* (Г. Греф), <https://www.business-gazeta.ru/article/681992>.

Очень похожее контекстное применение в качестве эвфемизма проявляет и метафорический термин «перегрев»:

– *Экономика по-прежнему находится в состоянии значительного перегрева. В первой половине этого года масштаб перегрева был максимальным за последние 16 лет* (Э. Набиуллина), <https://www.cbr.ru/press/event/?id=18869>.

– *В свою очередь расходы увеличились ..., что стало отражением перегрева внутреннего спроса в предыдущие два года* (Э. Набиуллина), <https://cbr.ru/press/event/?id=26932>.

– *В 2024-м перегрев экономики усилился, и по итогам всего года объём российского ВВП вырос на 4,3 %.* (М. Решетников), <https://russian.rt.com/business/article/1530232-reshetnikov-ekonomika-ohlazhdenie>.

Примеры в нашей статье отражают изменение экономической ситуации за последние два года, за которые тренд перегрева сменился уже на охлаждение:

– *Экономика России в настоящее время переживает процесс выхода из перегрева.* (Э. Набиуллина), <https://www.cbr.ru/press/event/?id=18869>.

В то же время, помимо простого маскирующего эффекта эвфемизации, обе терминологические метафоры — и «перегрев» и «охлаждение», на наш взгляд обладают еще одним свойством, а именно образной семантикой, имплицитно оптимистически ориентированную оценку. Мы имеем в виду то, что эти метафоры происходят из смысловой области технических аналогий. Свойства перегреваться и требовать после этого охлаждения ассоциируются с техническими устройствами, прежде всего с двигателями, силовыми установками. Экономика в этих метафорах интуитивно уподобляется такой тепловой машине. Если она перегревается, значит, работает на высоких оборотах, что вообще говоря, подразумевает большую мощность. А если она охлаждается, то это потому, что мощность убавляет тот, кто ей управляет. Оба процесса как бы интуитивно подсказывают, что их аналоги в экономике тоже особой опасности из себя не представляют. Важно при этом то, что эти процессы обратимы: если перегреваем на разгоне двигатель (как обычный, так и экономический), то достаточно совершить простое действие: убавить обороты. Если система охлаждения показывает низкую температуру — достаточно просто прибавить газ. Эти имплицитные эффекты простоты и обратимой управляемости, как нам представляется, демонстрируют манипулятивную способность обсуждаемых терминов.

Их использование для описания сложностей экономики очень актуально для официального дискурса, потому что даёт возможность ненавязчиво мотивировать аудиторию на конструктивное восприятие ситуации. Если мы вкладываем в термины смыслы управляемости и обратимости, значит, транслируем нашу уверенность в технологическом исправлении соответствующих проблем, не даём в сознании слушателей закрепиться идее стихийности, потери контроля и кризисности ситуации.

Технологическая ориентация актуальных экономических метафор также хорошо видна, например, в ставшей популярной осенью 2025 г. авиационной аналогии «мягкая посадка»:

– Нам нужно решать проблемы макроэкономического характера. А для этого нужно обеспечить такую **мягкую, спокойную посадку** экономики, чтобы обеспечить макроэкономические показатели, затормозить рост цен». (Э. Набиуллина), <https://tass.ru/ekonomika/24971603>.

– Первая задача — это **мягкая посадка экономики**. ... *Всех волнует вопрос её траектории. Мягкость этой посадки будет влиять на бизнес, банки, население и так далее.* (М. Орешкин, зам. руководителя АП Президента), <https://tass.ru/ekonomika/24227509>.

– *Признаки умеренного замедления внутреннего спроса и постепенного снижения напряженности на рынке труда говорят о том, что экономика скорее идет по траектории мягкой посадки, без резких колебаний.* (Э. Набиуллина), <https://www.cbr.ru/press/event/?id=23473>.

Мотивирующая положительная оценка термина «мягкая посадка» понятна интуитивно: мягкая посадка самолёта это рядовая техническая операция, подразумевающая дополнительно и то, что самолёт свой запланированный полёт проделал, осталось только спокойно приземлиться на надёжную полосу аэродрома (вне аэродрома мягкой посадки не получится). Да, возможны сложности при заходе на посадку «*всех волнует вопрос её траектории*», но «*если без резких колебаний*», то пилоты справятся.

Заключение

Проведённый нами краткий анализ позволяет сделать следующий вывод. Цитируемые авторы современного российского экономического дискурса используют эффекты манипулятивного воздействия в совершенно закономерной для них цели: сориентировать аудиторию на непессимистическую оценку ситуации, не допустить депрессии не только в экономике, но и в настроениях людей. С точки зрения влияния официального дискурса на поведение рынков применение описанных в статье приёмов имплицитирования оценки особенно важно, ведь от переданного рынкам настроения зависит оптимизм или пессимизм в биржевых курсах и предпринимательском планировании. Здесь правильно переданное настроение превращает виртуальную силу слов в реальный экономический рычаг, эффективность которого, правда, зависит не только от риторических способностей говорящих, но и от уровня профессионального доверия экономического сообщества, учёт которого уже не подвластен лингвистическому исследованию.

Список источников

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М. : Yazy'ki russkoj kul'tury', 1999. 911 с.
2. Беляева И. В., Куликова Э. Г. Манипулятивное искажение: лингвистический смысл эвфемизмов // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 33. 2009. № 22 (160). С. 15–20.
3. Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти. // Психология влияния: хрестоматия / сост. А. В. Морозов. СПб : Питер, 2001. С. 42–67.
4. Виноградова С. А. Речевая манипуляция цифровой информацией // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 2 (027). С. 86–91.
5. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М. : ЧеРо, Изд-во МГУ, 1997. 344 с.
6. Караджев Б. И. Фактор адресанта и адресата в дискурсе СМИ // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2014. № 3. С. 40–46.
7. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М. : Эксмо, 2006. 832 с.
8. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русистика. Берлин 1994, № 1–2, с. 28–49.
9. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е. А. Земская. М. : Языки рус. культуры, 1996. С. 384–408.
10. Синельникова Л. Н. Стратегия приближения к адресату в современном медиатексте // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 13 (184). С. 253–261.

11. Слама-Казаку Т. For the Right Understanding of the Term Manipulation and the Study of the Related Reality / К правильному пониманию термина «манипуляция» и изучению относительной реальности // Вопросы психолингвистики. Изд-во: Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский институт лингвистики» (Москва). 2010. № 12. С. 206–209

12. Сподарец О. О. Реализация стратегии субъективизации в новостном политическом медиа-дискурсе. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Уфа. 2011.

References:

1. Arutyunova ND. Yazyk i mir cheloveka. Moscow: Languages of Russian Culture. 1999. 911 p. (In Russ.).
2. Belyaeva IV, Kulikova EG. Manipulyativnoe iskazhenie: lingvisticheskij smysl e'vfemizmov. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. Iskusstvovedenie.*, Iss. 33. 2009;(22(160):15-20. (In Russ.).
3. Blakar RM. Yazyk kak instrument social'noj vlasti // *Psixologiya vliyaniya: xrestomatiya* / by AV Morozov. Sanct-Petersburg: Piter, 2001. PP. 42-67. (In Russ.).
4. Vinogradov SA. Rechevaya manipulyaciya cifrovoj informaciej. *Voprosy` kognitivnoj lingvistiki.* 2011;(2 (027):86-91. (In Russ.).
5. Docenko EL. *Psixologiya manipulyacii: fenomeny`, mexanizmy` i zashhita.* M. : CheRo, Izdatel'stvo MGU, 1997. 344 p. (In Russ.).
6. Karadzhev BI. Faktor adresanta i adresata v diskurse SMI. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby` narodov. Section: Voprosy` obrazovaniya: yazyki i special`nost`.* 2014;(3):40-46. (In Russ.).
7. Kara-Murza SG. Manipulyaciya soznaniem. M. : Eksmo, 2006. 832 p. (In Russ.).
8. Krysin LP. Evfemizmy` v sovremennoj russkoj rechi. *Rusistika.* 1994;(1-2):28-49. (In Russ.).
9. Krysin LP. Evfemizmy` v sovremennoj russkoj rechi. *Russkij yazyk konceza XX stoletiya (1985-1995)* Ed. by EA Zemskaya. M.: Yazyki rus. kul'tury`, 1996. pp. 384-408. (In Russ.).
10. Sinel`nikova LN. Strategiya priblizheniya k adresatu v sovremennom mediatekste. *Nauchny`e vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarny`e nauki.* 2014;(13(184):253-261. (In Russ.).
11. Slama-Kazaku T. For the Right Understanding of the Term Manipulation and the Study of the Related Reality. *Voprosy` psixolingvistiki. Izdatel'stvo: Negosudarstvennoe obrazovatel`noe uchrezhdenie vy'sshego professional`nogo obrazovaniya Moskovskij institut lingvistiki (Moscow).* 2010;(12):206-209. (In Russ.).
12. Spodarec OO. Realizaciya strategii sub`ektivizacii v novostnom politicheskom media-diskurse. Avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskix nauk: 10.02.04. Ufa. 2011. (In Russ.).

Информация об авторах

А. М. Погорелко — кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной лингвистики.

Т. Н. Герасина — старший преподаватель кафедры инновационных технологий языковой коммуникации.

Information about the authors

A. M. Pogorelko — Cand. Sci. (Philology), Associate Professor of the Chair of Foreign Linguistics.

T. N. Gerasina — Senior Lecturer at the Chair of Language Communication Innovation Technologies.

Статья поступила в редакцию 17.08.2025; одобрена после рецензирования 04.09.2025; принята к публикации 17.09.2025.

The article was submitted 17.08..2025; approved after reviewing 04.09.2025; accepted for publication 17.09.2025.

Вклад авторов: оба авторы сделали пропорциональный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.